

Священник Дмитрий Трибушный

УЧЕНИК СВЯТОГО ПРАВЕДНОГО ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

Явление святого праведного Иоанна Кронштадтского – уникальное явление в богатейшей истории православной святости. Подвижник, открыто совершающий многочисленные чудеса, пророк, поставленный Богом для того, чтобы свидетельствовать о силе и правде веры и остановить тем самым безумное грехопадение русского народа, он не только светил сам, но и стал родоначальником особого служения – старчества в миру. Имена его учеников и подражателей сегодня известны и почитаемы. Достаточно вспомнить о святых праведных Алексии Мечеве и Ионе Атаманском, протоиереях Понтии Рупышеве и Иоанне Журавском. Протоиерей Дмитрий Песков тоже получил благословение на своё служение от святого.

8 сентября 1905 года в день Рождества Пресвятой Богородицы в крестьянской семье Песковых, проживающих в деревне Ванское Устюжского района Вологодской области, появился на свет сын Дмитрий. Рождению будущего пастыря предшествовали события трагические и промыслительные.

Зимой, сопровождая баржу с грузом, ушёл под лёд отец, Степан Песков. Он так и не увидел долгожданного сына.

В скором времени Свято-Николаевский Моденский мужской монастырь посетил святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Жители окрестных сел передавали друг другу: «Батюшка приехал, батюшка приехал!» К нему приезжали отовсюду, выстраивались в очередь под благословение. Отправилась в монастырь и Ксения Пескова. Людей было так много, что разглядеть в толпе молодую вдову было невозможно, но случилось невозможное. Отец Иоанн попросил пропустить Ксению. Толпа расступилась. Тогда старец сказал: «Подойди, раба Божья» и благословил её огромной просфорой, предсказывая: «А у тебя родится великий молитвенник».

Через некоторое время на свет появилась двойня. Девочка умерла сразу, а мальчик выжил.

Всего лишь через год отошла ко Господу и Ксения Пескова. Малыша забрала к себе старшая сестра. Её свекровь была доброй женщиной и смогла полюбить мальчика, а муж сестры оказался очень строгим. Жили бедно, ели овсяные блины без масла. Свекровь печёт блины на воде, а мальчик под столом сидит. И когда сын выйдет, она ему даст блин, плачет и причитает: «Бедна ты, сиротинушка».

Когда сестра заболела, муж отвёз шестилетнего Дмитрия в Моденский монастырь. Юного послушника взял к себе келейником отставной генерал, принявший монашество после смерти жены.

В монастыре Дмитрий Песков обнаружил необыкновенную тягу к знаниям. У генерала была огромнейшая библиотека, которую послушник перечитал полностью. Он читал не только в свободное от богослужений и трудов время. Бывало брал с собой книгу на клирос. Один раз его монах даже за ухо взял: «Окаянный».

Тогда духовный наставник отправил мальчика к своей племяннице Александре Павловне Кедровой. Благодаря ей он получил образование на уровне лица. Отец Дмитрий помогал своей учительнице до самой её смерти: отправлял посылки, денежные переводы, поддерживал во всём.

В монастыре Дмитрий проходил различные послушания. Например, пел на клиросе – голос у него был замечательный.

Дмитрий готовился к монашескому постригу, но таинственный Промысл Божий вёл его иным путём – путём старчества в миру. Наступило время испытаний.

Когда Дмитрию было девятнадцать лет, иноков предупредили, что в ближайшие дни коммунисты закроют монастырь, а насельников увезут в Сибирь или расстреляют.

И снова в человеческие планы вмешался Господь. Монастырские старцы остались в обители, благословив молодых уйти в мир. Послушнику Дмитрию Пескову тоже удалось сделать документы и вместе с некоторыми монахами ночью тайно бежать из монастыря.

Дмитрий попал в Петроград, где устроился на фабрику. В голодное время начала 30-х вместе с тремя друзьями ходил по полям в окрестностях города и собирал мороженую брюкву. Молодые люди понимали, что долго они так не выдержат, и один из них, сын священника, предложил переехать на Украину.

Друзьям повезло, все устроились рабочими на Лисичанский стекольный завод.

Отец Дмитрий всегда чувствовал единомышленников. Вот и на заводе его внимание привлёк человек, чем-то отличающийся от других рабочих. В одну из пасхальных ночей всех заставили выйти на смену. Дмитрий дождался момента, когда вокруг никого не было, и поприветствовал незнакомца: «Христос воскрес!»». В годы доносов решиться на подобное было непросто. Но в ответ прозвучало: «Воистину воскрес!»». Незнакомец оказался священником. Звали его Иоанн Рудюк. На завод отец Иоанн попал после закрытия храма и неудачных попыток получить новый приход. Позже отец Дмитрий повторял: «Поп и в рогожке заметен».

В Лисичанске Дмитрий встретился с Верой Марченко, уроженкой села Старомихайловка Курской губернии. Она работала в заводской столовой, знала всех рабочих. В какой-то момент обратила внимание на скромного молодого человека: «Все были нормальными, а он худой, измученный». Вынужденно покинув монастырь, Дмитрий и в миру оставался иным, возвышающимся над бытом. Вера была более практичной. Она старалась подкормить своего нового знакомого.

Молодые люди подружились, дружба переросла в любовь. Встреча с Верой Филипповной была настоящим даром Божиим. Близкие в духе, но разные по характеру супруги Песковы органично дополняли друг друга. Боевая, энергичная матушка была надёжной опорой для тихого, склонного к созерцательной жизни Дмитрия.

Перед войной отцу Иоанну удалось вернуться к служению. Псаломщиком он взял Дмитрия Пескова, знавшего всю службу на память.

В 1942-м (по другим данным в 1943) Дмитрия Степановича призвали на фронт. О войне он рассказывать не любил. Вспоминал ощущение ужаса во время форсирования Днепра в 1943 году. Стену огня, гибель друзей. Фактически бойцы были смертниками. Выжить можно было только чудом. И чудо совершилось.

Отец Дмитрий вспоминал и другие чудеса на дорогах войны.

Голос, который он слышал перед одним из самых тяжёлых сражений: «Ты не погибнешь. Ты не бойся ничего, иди с именем Божиим»

Однажды ему приснился старичок в белом, с белой бородой. Старичок передал ему котомку: «Это тебе подарок из Платичьего».

Прошло время, и в Страстную Субботу Дмитрий и ещё несколько солдат отпросились в храм. Пришли в одну деревню – нет храма. В другую – нет храма. Храм был только в Платичьем.

Опытный псаломщик Дмитрий сразу же присоединился к хору. Так отслужили пасхальное богослужение и вернулись в часть с котомками, наполненными пасками и яйцами.

Главным даром, предсказанным старичком во сне, было причащение в ночь Светлого Христова Воскресения.

На одном из привалов Дмитрий Песков заснул и во сне читал евангельское: «Пребысть же Мариам с нею яко три месяцы, и возвратися в дом свой». Через три месяца Дмитрия комиссовали из-за язвы желудка, и он вернулся к отцу Иоанну.

После войны Сталин разрешил открыть храмы, и Православная Церковь столкнулась с кадровыми проблемами. Большинство священников репрессировали в 20–30-е годы, многие из оставшихся погибли на фронте в Великую Отечественную войну. Архиепископ Сталинский и Ворошиловградский Никон (Петин) разослал по всем немногочисленным приходам телеграммы, чтобы уцелевшие батюшки искали верующих людей, готовых служить Богу. Псаломщик Дмитрий Песков оказался подходящим для этой миссии. Отец Иоанн дал ему направление в Луганск (тогда Ворошиловград). На приём будущий священник приехал в день смерти матери владыки Никона и принял участие в общей молитве: читал, пел. Архиепископ обратил внимание на незнакомца. Узнав, кто прислал Дмитрия Степановича, владыка побеседовал с ним и на следующее утро 11 ноября 1944 года рукоположил его в диаконы, а уже 15 ноября – в священники.

Времена были тяжёлые. Священников постоянно вызывали в НКВД и склоняли к доносам. Многие не выдерживали и уходили за штат, потому что предать для них было хуже смерти. Уходили за штат, и потом жили в нищете.

Отец Дмитрий тоже попал в поле зрения органов. Его вызывали для беседы каждый день в течение длительного времени. Уговаривали сотрудничать, но батюшка неизменно отказывался. Отца Дмитрия спас полковник госбезопасности. Вызвав священника к себе, он сказал: «Я давно за вами наблюдаю и вижу, что вы очень порядочный человек. Уезжайте как можно

быстрее», и неожиданно добавил: «А у меня есть к вам просьба: повенчайте меня с женой». Отправляясь совершать таинство в четыре часа утра, священник до последнего сомневался, кто его встретит у ворот: жених с невестой или «чёрный воронок» с конвоирами. Оказалось, офицер не лгал, около храма были только он, его супруга и теща.

Свет не включали, только свечи зажгли. После венчания полковник повторил: «Уезжайте».

Но уехать было непросто. Отец Дмитрий рассказал о сложившейся ситуации архиепископу. Владыка Никон задумался. Видимых причин для перевода священника в другой город не было. И вот как поступил мудрый владыка. На одном из богослужений, собравшем многих священников, Владыка Никон доверил проповедь после чтения Евангелия отцу Дмитрию. Прихожане, затаив дыхание, слушали вдохновенную проповедь молодого священника. Плакал весь храм. После этого мудрый владыка при всех сказал: «Да, отец Дмитрий, два архиерея в одном городе служить не могут». И отец Дмитрий был переведен в город Сталино.

Но после первой службы на новом месте батюшка отметил с присущей ему иронией: «ребята уже на посту». За ним следили. Специальные сотрудники записывали проповеди. Его регулярно вызывали в КГБ, посещали по ночам.

Однажды матушка, которую недаром называли «игуменьей», не выдержала и сама пришла к чекистам: «Оставьте Отца в покое. Можете хотя бы не в двенадцать приезжать?»

Интересно, что один из офицеров признался: «Мне нравится с отцом Дмитрием беседовать».

С 1948 по 1958 год отец Дмитрий Песков служил в храме святителя Николая в Донецке, потом был переведён в храм святителя Николая в посёлке Трудовские, а в 1960-м назначен настоятелем Николаевской церкви в Авдеевке.

В этом тоже видится особый Промысл Божий. Своей скромностью и нестяжательностью отец Дмитрий напоминал святителя Николая. Великий святой покровительствовал батюшке в течение всей жизни. Однажды отец Дмитрий возвращался домой. Был он очень уставшим, шёл по рельсам. Погружённый в свои мысли, не слышал сигналов стремительно приближающегося поезда. И вдруг рядом с ним возник старец, в котором отец Дмитрий узнал святителя Николая. Святитель дёрнул батюшку

за рукав рясы с такой силой, что батюшка улетел под откос, и таким образом был спасён.

Получив благословение на служение от самого святого праведного Иоанна Кронштадтского, протоиерей Дмитрий Песков унаследовал и его дары: пастырскую ревность, любовь к богослужению как центру христианской жизни, пророческий дар, нестяжательность. Недаром духовные дочери святого (схимонахиня Паисия и другие), перебравшиеся из Петербурга в Авдеевку, выбрали в качестве духовного наставника именно отца Дмитрия.

Вставал отец Дмитрий в четыре часа утра, даже когда уже не служил. Вычитывал правило – молитвы утренние, акафист святителю Николаю, который знал наизусть. Если совершал Литургию, то шёл в храм. А после – служил погребение, молебен, крестил.

Как пастырь отец Дмитрий воспитывал в верующих благоговение. К богослужению, к иконе, к молитве. Например, если кто-то ошибался в ударении, батюшка обязательно поправлял чтеца. Но это не значит, что он был формалистом. На исповеди мог не копаться в прегрешениях, а задать всего лишь один вопрос, но о самом главном, о сути: «веруете ли вы в Бога?»

Отец Дмитрий был ярким проповедником. Скромный человек, если архиерей благословлял его произнести слово, он волновался так, как будто говорит впервые. Проповедовал сердцем, всей душой. Обычно во время проповеди батюшки плакал весь храм.

Батюшка не только толковал Евангелие, преподавал основы вероучения. Он грозно обличал секты, местных колдунов, суеверие во всех его формах.

Любящее внимание отца Дмитрия проявлялось во всём. На одного из посетителей произвели особое впечатление не только благодатное всенощное бдение, совершавшееся в авдеевском храме, но и особая трогательная забота священника о своей пастве. В определённый момент богослужения батюшка говорил: «А сейчас будет уходить последний автобус на Донецк», и благословлял дончан в дорогу. Затем: «Сейчас будет последняя электричка на Ясиноватую».

Батюшка жил в храме. Порой возвращался домой в мокром подряснике в 4 или 5 часов вечера и только тогда завтракал. Он отдавал себя людям полностью. Неслучайно повторял: «Если бы я не был священником, был бы врачом». Преодолевая

смертельную усталость, отец Дмитрий продолжал принимать людей и вечером. Никто не слышал от него: «Приходите завтра».

В гостеприимном доме Песковых было принято варить двухведерную кастрюлю борща. Всех, кто приходил к нему со своими проблемами, отец Дмитрий старался накормить. Заходил на кухню: «Матушка, у нас есть что-нибудь перекусить?»

Вспоминает дочь батюшки, Надежда Дмитриевна: «Был безотказный во всём и очень добрый. Но если начинали ересь какую-то говорить, то он становился строгим.

Бывало, только в четыре вечера первый раз за стол садился, чайку попить. Никогда не говорил: «Пусть подождут». А говорил: «Покойник ждать не будет». Или если, например, крещение, то: «Люди ждать не будут».

Дома он практически не бывал, ему не давали покоя. У него с утра и до вечера люди были. Редкий день был, когда у нас никого не было. К нему приезжали со всего Союза. Он всех принимал, с каждым был ласков, внимателен, никогда не отпускал человека без угощения. От него уходить не хотели. Он, конечно, очень уставал от людей, но виду не подавал и никогда не жаловался. Бывало, придут, а у него посетители. Я благословение возьму, он мне: «Ты пришла? Ну, я скоро освобожусь». И час, и два, а у меня дети маленькие были, захожу к нему: «Ты уже уходишь?» – спрашивает. Вот так я с ним виделась. А так – люди, люди и люди. Кроме того, у него такая переписка была. Со всего Союза ему писали: и из Крыма, и с Урала, и из Москвы, и из Питера».

У одного из посетителей спросили, почему он приехал за советом именно к отцу Дмитрию. Мужчина рассказал о своём путешествии на Кавказ к отшельникам. Монахи спросили, откуда он. И когда мужчина сказал, что из Донбасса, удивились: «Зачем вы к нам приехали? У вас свой старец есть – отец Дмитрий в Авдеевке».

Сам протоиерей Дмитрий Песков больше всего на свете боялся слов «старец», «прозорливый». Свои дары он тщательно скрывал. Ничего не навязывал, на своём благословении не настаивал. Но если он что-то говорил, лучше было бы поступить по его слову. Попробуешь сделать иначе – всё равно не получится. Всё выйдет так, как он сказал.

Приведём некоторые свидетельства о духовных дарах отца Дмитрия.

Вспоминает Надежда Дмитриевна Пескова: «Один раз папа у меня был, а тут звонит моя приятельница и предлагает поехать на Рутченково на архиерейскую службу, так как приехал митрополит Сергей. И я ему говорю: «Папенька, Мария Афанасьевна зовёт на Рутченково поехать». А он улыбнулся и говорит: «А я на вашем месте завтра пошёл бы на Ларинку». Я говорю: «Она настаивает». Он мне: «Ну, смотри. Но я вам советую лучше завтра поехать». Вышла я, встретилась с ней. Стоим мы на троллейбусной остановке – ни троллейбуса, ни такси. Мы простояли часа полтора, смотрим, что уже опоздали. Тогда моя подруга говорит: «Прав был батюшка. Давай возьмём пряников и пойдём с батюшкой посидим». Мы взяли пряники, уже заходим во двор, а его машина только раз – и за угол. Я говорю: «И что мы получили? Ни с ним не пообщались, ни туда не попали». Она: «Да, я опять убеждаюсь, что как сказал батюшка, так и надо».

Вышел он один раз к церковной калитке. И стоит, ждёт. Идёт пара, а он им говорит: «А я давно вас жду». Они опешили. Он у них спрашивает: «А что вы хотели?» «Батюшка, мы хотели повенчаться». «А почему вы сюда приехали, вы же на Рутченково живёте». Они: «Да». «Ну, вот там есть церковь. Вот туда идите. Вас кто послал сюда?» Они и примолкли. А была на Рутченково больная женщина, Лерочка её там называли. Она в коляске сидела. Эта женщина не признавала ни священства, ничего. Сама воду святила. И вот люди к ней ходили, как к предсказательнице. Отец Димитрий говорил так: «Передайте ей, что если она не может ходить в храм, то пусть она позовёт священника домой, чтобы он её причастил, поисповедовал, чтоб она была в лоне Церкви». Но она не хотела. Она эту пару послала специально, мол, узнает отец Димитрий, кто послал или нет. И вот он вышел к калитке и говорит: «А я вас уже жду». Они, конечно, опешили так, что не могли ничего сказать.

Была у нас прихожанка Ольга, ей было уже где-то тридцать два года. Приходит она к папе, плачет и говорит: «Батюшка, мне поставили диагноз – «рак», но сказали, что оперировать уже поздно». Он ей сразу ничего не сказал, только: «Ну что, Ольга, давай помолимся». Он молился, молился. Потом через какое-то время она опять приходит, а он ей: «Ольга, никакого рака у тебя нет. Ты будешь жить долго». И уже сейчас восьмой десяток ей идёт. А когда она пошла опять в больницу, то врачи сказали, что, как это ни удивительно, но она здорова.

А один батюшка начал храм строить. Приехали и говорят: «Отец Димитрий, благословите мне построить храм». Он: «А что?» «Да вот, участок выделили. Ни денег, ничего». «Да, тяжело вам будет. Приходите в следующий раз». Он приходит в следующий раз. Отец Димитрий говорит: «Так, начинайте с Божьей помощью строить, но только быстро-быстро-быстро». «Так, отец Димитрий, денег же нет». «Вот пойдите на шахту, пойдите на завод». И он как пошёл на одну шахту – ему пожалуйста, пошёл на другую – ему пожалуйста. На трубный завод пошёл – ему пожалуйста. Пошёл в исполком. А ему говорят: «А чего вы написали десять тысяч, пишете двадцать, а мы вам выделим, допустим, десять. Потому что, если вы написали десять тысяч, мы только можем пять тысяч дать. А чего вы не обратились к нам сразу? Мы бы вам в центре выделили участок под храм». И вот, только он иконостас заказал в России – и привезли ему иконостас. Только он расплатился – и сразу девяносто первый год, и все деньги поменяли. Храм построил за два года. Он ему тоже тайно помогал.

Или ещё случай. Приходит к нему из Новотроицка Ольга. «Батюшка, так плохо себя чувствую. Скоро умирать уже буду». «Ой, Ольга, а сколько ж вам лет?» «Да седьмой десяток». «Ольга, до девяноста будешь жить». И, действительно, в девяносто лет она умерла. Несколько лет тому назад умерла тоже одна из наших прихожанок, Ольга Фёдоровна. Она была очень худой и переживала по этому поводу. Всё говорила: «Батюшка, я на курорты езжу и всё равно не поправляюсь?» «Ой, Ольга Фёдоровна, – а он её любил – не переживай, умрёшь в восемьдесят пять лет». И вот мы с ней были в храме преподобного Сергия Радонежского, не помню, на какой праздник. Поговорили, и я пошла в одну сторону, а она в другую. Вдруг она меня зовёт: «Надежда, Надежда!» Я оборачиваюсь: «Что, Ольга Фёдоровна?» «А ведь я скоро умру». «Ольга Фёдоровна, откуда вы такое взяли?» «А мне батя сказал, – она его так ласково всегда называла – что я в восемьдесят пять лет умру, а мне месяц назад исполнилось ровно восемьдесят пять лет». И через неделю умерла».

Вспоминает Лидия: «Как обычно я одинаково писала и подавала на Литургию записку «об упокоении». Однажды прихожу, а батюшка мне говорит: «Почему не пишете деда?» У меня сразу в мыслях пронеслось: дед обижал батюшку и т. д., а отец Димитрий продолжал: «Ему там очень тяжело». А я себе задумалась:

откуда он мог знать, что в записке нет имени деда? С тех пор я стала его писать...

Ещё был случай, когда моя младшая сестра захотела поступать в Харьковский библиотечный институт. Уже и документы почтой туда отправила. И решили мы с ней пойти к батюшке под благословение. И он стал говорить: «Бывает в первый раз и не поступают, а во второй... Документы нужно было отвезти самой». Сестра была недовольна ответом. Послала она-то документы за месяц до вступительных экзаменов, а вызов на экзамен ей так и не пришёл. Поехала она в Харьков без вызова. Документов её в институте не оказалось. Затерялись где-то на почте. Потом, по прошествии некоторого времени, документы вернулись домой, «не нашедши адресата». На следующий год сестра поступила в тот же институт, как и сказал ей батюшка.

В памяти верующих сохранились предсказания отца Дмитрия о нашем времени.

Вспоминает Владимир Григорьевич: «Я никогда не слышал от священников политического. Тогда, в 70-х, меня живо коснулись события во Вьетнаме и Кампучии. Я заговорил с батюшкой об этом, а он мне, не раздумывая:

– Вот тебе крест. Вот Евангелие. Ничего больше тебе не нужно.

А через годы на вопрос о перестройке батюшка сказал:

«Это на короткое время. Всё ещё в будущем проявится».

Своих близких отец Дмитрий предупредил заранее: «Ой, что вас ещё ожидает!» «Что? Китайцы наступать будут?» «Нет, хуже. Братоубийственная война. Многое будет разрушено, до Ветки». Это предсказание сбылось.

Ещё батюшка говорил: «Конец света наступит, когда в таком огромном городе, как Москва, будет пять-семь верующих».

Одна девочка-подросток случайно встретила отца Димитрия в храме. Они были незнакомы, но батюшка не только назвал её по имени-отчеству, но и указал на то, что она до сих пор не крещёна. «Зачем тянуть? Сейчас мы всё исправим» – благословил батюшка. Девочка растерялась. Но не только потому, что её поразила прозорливость старца. Дело в том, что у неё была дырка на носке, и она боялась, что кто-то это заметит. И когда она стояла в смущении, снова подошёл отец Димитрий и тихонько сказал: «Я плохо вижу. Какой носок найду, такой и надену. Бывает, что и с дыркой».

Слепота была предсказана отцу Димитрию старцем (возможно, луганским диаконом Филиппом) ещё в молодости. Ему сказали: «Ты или ослепнешь, или с ума сойдёшь». Батюшка помнил об этом страшном пророчестве всю жизнь. И вот его прямо в глаз ужалила оса, зрение упало, и он практически ослеп.

Богослужение теперь батюшка совершал по памяти. А память у него была феноменальная. И Евангелия, и молитвы, и канон Андрея Критского читал наизусть. При этом, из смирения, делал вид, что всё читает по книгам.

Будучи сам духовно опытным наставником, отец Дмитрий Песков искал духовного руководителя. Его окормлял священник Василий Белыйшев. Дворянин по происхождению, он прошёл через тюремное заключение, но не потерял ни обаяния, ни юмора. В 24 года овдовел, сам воспитывал и сына, и внука. Отличался святой жизнью. Служил на станции Роя.

Однажды поздно вечером отец Василий неожиданно посетил семью Песковых. Погода на улице была ужасная, и хозяева удивились: «Отец Василий, что случилось?» А он: «Я приехал к вам попрощаться». И отцы, близкие по духу, посидели, поплакали вместе, попрощались. Его не хотели отпускать: «Останьтесь, утром поедете, куда же вы в ночь?» «Нет, нет, я поеду умирать домой». Уехал домой и умер. Семью Песковых отец Василий посетил последней.

В протоиерее Димитрии Пескове органично сочетались доброта и строгость. Он был очень добрый и ласковый. Всегда говорил: «мои дорогие, мои родные». Избегал однозначности и не настаивал на своём совете. Никогда не повышал голос. Детей не ругал, тем более, никогда не поднимал на них руку. Воспитывал словом. Умел так сказать, что пропадало всякое желание баловаться.

Ко всем батюшка относился с уважением. Всех называл по имени-отчеству. Даже школьниц – подружек дочери, к которым обращался на «вы». Придёт ученик 4 класса, а батюшка к нему: «Ну что, Пётр Иванович, какие оценки мы получаем?»

В храме батюшка был требовательным – мог строго сказать, если прихожане начинали шуметь: «Мои дорогие, идёт служба. Кому-то некогда, хочется поговорить – выйдите во двор». В храме поэтому всегда стояла тишина, хождения никакого не было.

Отец Димитрий не любил показухи. Так как сам он знал, что такое бедность, сиротство, то очень много помогал многодетным матерям и деньгами, и продуктами. Но тайно, так, чтобы

никто об этом не знал, даже его любимая супруга. И когда батюшка умер, то многие приходили, и говорили: «Ты же нам детей на ноги поставил».

Однажды отец Дмитрий пришёл причащать лежачих сестёр. Беспомощных, даже печку некому затопить. Позвал свою помощницу: «Галина, узнай, кто на этой улице живёт». Галина узнала, он к ним: «А вы знаете, что тут больные сёстры лежат?». Ему отвечают: «Да, знаем». «Пожалуйста, зайдите, помогите. У них холодно, они грязные. Они не могут уже за собой поухаживать. Помогите».

Сами Песковы жили крайне скромно. Дом был невзрачный, саманный. И когда отец Дмитрий умер, то у него ни рубля не нашли. Он всё-всё раздавал. Для него, что алюминиевая ложка, что золотая – одинаково было.

Единственное из земного, что ценил отец Дмитрий, – это книги. У него была отличная библиотека. Любовь к чтению батюшка пронёс через всю жизнь.

Хотя отец Дмитрий везде писал, что получил образование начальное, его можно было назвать «ходячей энциклопедией». Когда стали у населения покупать литературу, знакомая Песковых из отдела редкой книги приходила и спрашивала: «Дедушка, вот мне принесли такую и такую книгу». Он ей сразу называет автора, рассказывает содержание. И потом говорит: «Ценности она особой не представляет». В следующий раз она приходит и говорит: «Такую-то книгу принесли». Он отвечает: «А это – бесценная книга». И вот эта знакомая всегда удивлялась: «Да я за свой век столько не прочту!»

Вспоминает Надежда Дмитриевна: «Кэзэбисты приходили ночами, и все ценные книги у отца Димитрия перетаскали. Навяжут связку и уносят, и попробуй что-то сказать. У нас ничего ценного не было, только сундук с книгами. И отец Димитрий плакал об этих книгах. О книгах он плакал, а больше ни о чём. И когда Батюшка ослеп, то говорил, что лучше бы у него руки не было, ноги не было, чем глаз. Когда я в школе училась, то часто, бывало, сижу, книгу читаю, а он подходит, спрашивает: «А что ты читаешь? Ну, ты пока уроки сделай». Через минуту смотрю, а он уже сам мою книгу читает. Всегда говорил: «Учитесь, учитесь, читайте, читайте».

В основном, папа читал духовную литературу, хотя любил и классику. Из святых отцов он отца Иоанна Кронштадтского очень любил, много читал, много знал о нём. Жития святых

у нас читались, как закон, каждый день. Он и стихи любил, петь любил. Часто мы собирались и пели псалмы, песни духовные.

Ещё я хотела бы отметить, что отец Дмитрий не был фанатиком, он любил классическую музыку, слушал радио, в том числе и радиопостановки классических пьес».

К необычному священнику тянулись самые непростые искатели Истины – интеллигентные люди. Приходил преподаватель философии, желая обратиться в свою философскую веру. Ушёл озадаченным – не ожидал встретить в священнике человека такого интеллекта и такой эрудиции. Приходили филологи беседовать о старославянском языке.

Батюшка был человеком другой эпохи. Выражалась это во всём.

В речи. «Валерий Николаевич, не хотите ли откусать?» – обращался он, например, к своему зятю.

В постоянной собранности. Отец Дмитрий был очень пунктуальным, никогда не опаздывал.

У батюшки было тонкое чувство юмора. Он хорошо плавал. И однажды пошёл на речку с близким человеком. Комаров было так много, что из воды нельзя было выйти. А отца Дмитрия они почему-то не беспокоили. «Комары своих не трогают» – объяснил он.

Как-то отправился на базар, но вернулся с пустой сумкой – все, что было, раздал по пути нуждающимся. Матушка ограждала отца Дмитрия от бытовых забот, но это не значило, что он совсем был оторван от земли. Батюшка хорошо готовил. При любой возможности брался за тряпку. Во всём этом сказывалось монастырское воспитание. Он часто вспоминал, как на послушания приходил старший: «Проведёт пальчиком, покажет пыль. Ничего не скажет, а я сквозь землю готов провалиться».

Господь заранее открыл Своему угоднику день его смерти.

Из воспоминаний Надежды Дмитриевны: «Помню, в последний день были у него три женщины, и он говорит: «Летите, мои голубки, мы с вами уже прощаемся, больше мы с вами не увидимся». Каждой дал он по конфетке, провёл. А потом, когда они ушли, он говорит: «Вы уберите доски, – а у нас ремонт шёл, и во дворе доски лежали, – потому что через три дня здесь будет очень много людей. А если не успеете, накройте их». Мы их тогда убрали, и через три дня его выносили из квартиры. Или такой случай: за неделю до его смерти пришёл к нему Владимир, на шахте работал, очень его любил. Отец Дмитрий с ним

побеседовал, а потом говорит: «Владимир, на тебе платок носовой». «Батюшка, а зачем мне носовой платок? У меня есть». А он отвечает: «Будешь плакать и слёзы проливать». И когда папа умер, мы на шахту обратились, где, как знали, Владимир работает, а он в отпуск ушёл. И когда он после узнал, то пришёл и говорит: «Вот для чего батюшка платок мне дал». Он так рыдал, навзрыд плакал».

Накануне батюшка объяснял молодому священнику, как правильно облачать пастыря перед погребением. В тот день он взял книгу, и из неё выпала разрешительная молитва, читаемая при погребении. Последними словами отца Дмитрия, которые услышал священник, были: «Бегай греха».

В день смерти отец Дмитрий дал три пирожка зятю. Всем сказал прямо: «Вы сегодня не бросайте меня. Я сегодня умру».

Накануне старец, как всегда, принимал людей. Последняя посетительница рассказала отцу Дмитрию о своём сыне-наркомане. Батюшка очень расстроился. Фактически, невыносимая боль о чужом горе стала одной из причин его смерти. Ему стало плохо. Казалось, он находится в коме, но когда близкие просили у него прощения, на глазах праведника появлялись слезы.

Из внутреннего затвора протоиерей Дмитрий Песков не вышел. 3 февраля 1990 года он вернулся на небесную родину.

Когда протоиерея Михаила Александровича попросили рассказать о батюшке, он был краток, но сказал самое главное: «Отец Дмитрий старец был великий. Редкостный человек был. Многим нравился и не нравился. Призывал к исправлению на основании Писания. И потому был труден многим, что не уступал ни на йоту. Как Иоанн Кронштадтский был».

О МИТРОФОРНОМ ПРОТОИЕРЕЕ ДИМИТРИИ ПЕСКОВЕ

Следующие материалы собраны Ириной Николаевной Новосельцевой. При публикации сохранены особенности авторского стиля.

Ирина Николаевна Новосельцева:

– В период гонений на Церковь Православную и притеснений верующих приходилось прятаться, конспирироваться при посещении храма. Мне дважды приходилось уходить с работы ввиду притеснений. На работе чувствуешь себя изгоем, никто не ценит тебя за работоспособность, ум. Если ты посещаешь церковь или просто в душе веруешь, и об этом узнают

на работе – ты враг народа. Да ещё и комсомолка! Вызывали на партсобрание, но я не являлась. Ездила в разные храмы каждое воскресенье, замечая следы. Мне сказали: «Мы всё равно вычислим, выследим, куда ты ходишь». Эти слова повторял председатель комсомольской организации ДНПО «Газаппарат».

Около двух лет ездила в Старомихайловский храм, иногда на Григорьевку, подальше с глаз, чтоб меня не нашли. Там служил отец Василий (потом в монашестве имя его отец Венедикт). А когда его отстранили, мне посоветовали съездить в Авдеевку, говорят: «Там такой старчик служит лучезарный, но храм находится в яме».

Сейчас к храму проложена асфальтированная дорога, а в то время, когда я пришла (осень 1979 года), чтобы попасть к храму, нужно было спускаться точно в какую-то яму, постоянно там была грязь вперемешку с камнями. Снег растает или прорвёт вода, идём чапаем по грязной воде, камни попадают, ноги выкручиваются (подворачиваются). Гололёд, колчи – не знаешь, как пройти. Одним словом – трудная дорога. Но люди шли. Бабульки с палочками култыжат, кричат, но идут. Никакая погода не останавливала людей – приезжали из Макеевки, Донецка, Харцызска, Мариуполя. В воскресный день людей как на Пасху – храм был плотно набитый.

Увидев батюшку (мне тогда было 23 года), простояв службу, я поняла – это то, что мне нужно. Это светильник, который утвердит меня в вере. Ведь я начинала с баптистов. Во мне было много противоречий.

В этом же году, пробыв в Почаевской Лавре 22 дня (меня продержал там архимандрит Амвросий Юрасов), я стала перерождаться. А как вот утвердиться в православной вере? Вы не можете себе представить, как это трудно.

Вот Господь и направил меня к отцу Димитрию Пескову. То время (10 лет), что я провела возле батюшки, это были самые лучшие и незабываемые годы в моей жизни.

Я была самая молодая в этом храме. Он меня благословил на клирос. До того я стояла за клиросом и повторяла, мурлыкала все песнопения, стараясь как можно больше запомнить. Дорогой иду и напеваю мелодии. Так 70% всех песнопений я выучила за клиросом.

Пришла на клирос – нот не знаю, читать на церковнославянском языке не умею. Трудно было. Хористы на клиросе все

бабушки, на меня цыкают, ведь пою то по слуху. Поучить меня некому.

Господь всему меня учил.

Приходила раньше службы, оставалась после службы, чтобы иметь доступ к книгам и заранее проштудировать то, что придётся прочитать.

Книг раньше не было никаких, не только на церковнославянском языке. Ноты переписывались. Чертили нотный стан, так как не было нотных тетрадей.

Анна Васильевна постоянно: «Девка, читай громче и правильнее!». Бабушки-хористки шипят. Хоть уходи.

Отец Димитрий проходит мимо меня, кадит: «Терпи, Ирина, терпи. Всё получится». А когда благословлял: «Да, кричи погромче». В храме нет акустики, да и бабушки глухие. Ранее (до 1991года) храм носил имя Святителя Николая, а сейчас – Святого Архангела Михаила.

Проповеди батюшки незабываемые. Я слушала с открытым ртом, пока замечание не сделали. Так рассказывал, как будто мы там все находимся.

Он говорил с амвона: «Если б у меня были руки подлиннее, я бы вас всех обнял».

Часто повторял: «Добрый пастырь положит душу за овцы своя. Если нужно будет, я её отдам».

И он всю жизнь здоровье отдавал нам. Он жил нами. А люди после службы побежали на автобус, скрываются в яме. Он выйдет на крыльцо и вслед их крестит, благословляет и так от души молится. Слов я не помню. Чтоб с нами было всё благополучно.

Службы у батюшки были долгие. Люди говорили – по-монастырски служит.

С утра читали утренние молитвы, полунощницу, в 8:00 часов – часы. Далее батюшка выходил на исповедь. И мы читали три канона, Акафист Иисусу Сладчайшему, канон по причащению, молитвы по причащению. А иногда батюшка подойдёт и скажет: «Ирина Николаевна, читайте Акафист Матери Божией и какому-нибудь святому».

Мне так стыдно было, что он меня такую молодую, наравне с бабушками-хористками величает по имени-отчеству.

Он был уважителен ко всем. Всех называл по отчеству.

Настолько был любвеобилен, никогда никому не сказал обидного слова, ни намёка, никогда не повысил голоса. Я никогда не слышала.

Когда начиналась литургия, у меня от чтения уже язык заплетался. Петь на литургии приходилось, уже выдавливая из себя. Потом привыкла.

Отец Димитрий говорил: «Не обижайтесь, что долго служба идёт (с 6:00 до 14:00), ведь на вычитывание у вас нет времени, да и книг нет, по которым можно было подготовиться к исповеди. А так вы всё прослушали и со спокойной совестью после исповеди можете подходить к чаше».

Всё заканчивалось в 14:00 часов. В 17:00 часов вечера. Когда я оставалась к вечерне, времени свободного оставалось 3 часа. Это время люди сидели в сторожке, рассказывали видения, какие им были, как они пришли к вере. Настолько поучительно. Нигде ведь в то время об этом не услышишь и не прочитаешь.

На замужество меня батюшка не благословил. Однажды подхожу на исповедь. Ничего не успела сказать, а батюшка:

– Замуж думаешь выходить?

– Конечно (а сама думаю: «а какая девушка не мечтает выйти замуж, да ещё удачно?»).

– Нет замужеству, – начал стучать своим бессильным кулачком по столику, – нет! Вот твой Жених (показывая крест, который висит у него на шее)! Не благословляю! Будет такое время, сама как-нибудь проживёшь.

Ничего не спросив, разрешил грехи. (Да, были такие ситуации, думаю, чтоб я делала с детьми).

Второй раз (спустя время), тот же был вопрос. И снова отказ в благословении. Батюшка уже говорил, по-моему, повышенным тоном. Люди потом подходили ко мне и спрашивали: «Почему батюшка на тебя сердился?»

Потом во сне мне было предупреждение. Значит, батюшка все предвидел.

С течением времени я всё поняла, всё открылось.

Кто послушался батюшки, у того были серьёзные проблемы. Они об этом очень жалели.

Р. Б. Владимир познакомился с молодой женщиной в храме. У неё ребёнок был больной от рождения – инвалид. Решили они пожениться и до батюшки. Он их не благословил. Владимир людям рассказывал: «Что это за батюшка? Да разве

можно быть таким и т. д.». Поехали в другую церковь и там обвенчались. Прошло время, она (жена) оказалась бесноватой. Сколько он претерпел! Конечно, раскаивался и ещё как.

Одно время меня сильно мучили головные боли. Сказала батюшке. Он говорит: «Иди в больницу, врачи тоже от Бога». Пошла. Невропатолог мне говорит: «Нужно больше развлекаться, вести интенсивную жизнь, ездить на турбазы, любить и т. д.».

Батюшка спрашивает: «Ну что?». Я ему пересказала. Он ухмыльнулся:

– Сейчас не врачи, а грачи. Помолимся Иоанну Предтече. Он помощник и врач при головных болезнях.

Прочитали с Анной Васильевной Акафист. Как пришли боли, так и ушли.

Многим батюшка помогал советом, предрекал, исцелял недуги. Просил никому не говорить. Но люди всё равно по секрету друг другу рассказывали. Слава шла по людям.

Стою я рядом с батюшкой, закончилось соборование. Подходит женщина и говорит батюшке: «Помолитесь за меня, я очень болею, приехала из Донецка». Батюшка: «А в Донецке разве нет священников, что вы аж сюда приехали?»

– А вас все хвалят, посоветовали к вам приехать.

– А хвалят только дураков. (Время было брежневское, в СМИ одно хвастовство и хваление) И пошёл от неё.

Другая женщина пришла за советом, говорит: «Батюшка, мне сказали, что вы прозорливый, я хотела бы у вас спросить, как мне поступить...»

Батюшка: «Да нет, я не прозорливый, а прожорливый».

В 70-е годы была среди верующих паника, как в наши дни против ИНН. Так тогда была против паспортов, профсоюзных билетов. Якобы в паспорте есть водяные знаки со словами об отречении от Бога. Сильно все переживали. Под воздействием этой паники люди выбрасывали документы, сжигали.

Я похвальные грамоты спалила, а что делать с паспортом и профсоюзным билетом. Выбрала момент, прорвалась к батюшке (народу всегда у него во дворе было много, с разными вопросами, советами), задала ему этот вопрос. Он говорит: «Что такое паспорт? – это документ удостоверяющий личность. Профсоюзный билет – по нему оплачивается бюллетень, выдают путёвки на лечение. И всё. Никакой дракон там не спрятан. Возьмём деньги, там тоже есть изображение

Ульянова, как на документах, но мы их не выбрасываем. Божие Богу, кесарево кесарю. Есть научный фанатизм, но в наше время присутствует религиозный фанатизм. А это большой грех».

Часто на проповедях отец Димитрий говорил: «Спешите делать добро. Время бежит быстро. Никто не знает, когда его Господь позовёт. Ничего не возьмёте с собой, всё останется. Только дела пойдут с вами.

Прекратите верить в суеверия, а имейте крепкую веру. Мне жалуются, что им насыпали, подбросили, кошка дорогу перебежала, баба с пустыми вёдрами дорогу перешла. Если поп встретился – нужно вслед ему плюнуть, чтоб неудачи не было и т. д. Нужно иметь, мои дорогие, веру в силу Крестного знамения. И ничто не должно вас страшить. Оградили себя Крестным знамением, на вас уже находится духовная броня, и идите с Богом. Если вам повстречается сам диавол, он вам ничего не сможет сделать.

Насыпали вам под дверь (мне тоже такое делали), перекрестили с молитвой, на лопатку и в печь.

Мне в просфоры иголки вкладывали, а я перекрестил с молитвой, иголки в печь, а просфоры съел.

Трижды меня земле предавали. Ну и что? Я жив и перед вами сейчас стою. Запомните, выше Бога никого нет. Что мне может сделать человек, когда со мною Бог? С нами Бог разумеете, языцы, и покоряйтесь, яко с нами Бог!!!

Дорогие мои, вы мне говорите, некогда молиться. А вы утром встали, пока одевааетесь, читайте Отче Наш. Пищу готовите, читайте Иисусову молитву. Идёте на ферму – «Да воскреснет Бог», псалом 50, 90. Доите корову – «Богородице, Дево, радуйся» и т. д.»

Многому нас учил батюшка. После чтения Евангелия, расскажет о чём читалось в Евангелии. Перед причастием – о причастии. Перед тем, как дать крест – о жизни святого, почитаемого в этот день (тогда книг о жизни святых не было, и нам так дороги были сведения о них). И в конце ответы на житейские вопросы.

Батюшка говорил: «Мои дорогие, слушайте, внимайте, никто вам столько рассказывать не будет».

У меня иногда столько возникнет вопросов, как же их задать батюшке, но к нему на приём в выходные дни не попадёшь, может, только к ночи. Но его надо же щадить. А он на проповеди

во время службы или в конце начинает говорить и отвечает на мои вопросы. И так постоянно.

Батюшка всех помнил по имени. Одна женщина пришла к нему, рассказала про своё горе, про сына. Всего раз у него была. Прошло время.

Приходит на исповедь, а батюшка говорит: «Марфа, ну как твой сын?». Она после службы восхищалась: «Ну, надо же, батюшка всех помнит».

Отец Димитрий службы служил по памяти, молитвы, ектении наизусть все знал, т. к. плохо видел.

Читает кто на клиросе и делает ошибки, казалось бы, батюшка занят своим делом и не слышит. А он из алтаря поправляет. Ревностно относился к проведению службы. Мне казалось, как батюшка служит, никто так не служил. Всё было чинно, чётко. Всё пелось, всё читалось, ничего не опускалось.

Много денег батюшка жертвовал на монастыри (В то время их было мало). Я недоумевала, в монастырях этих он не был, а его там знают. После смерти, люди, которые чемоданами отвозили деньги, потом в разговоре открыли тайну.

Батюшка говорил: «Ходите чаще в храм, пока есть такая возможность. Пока поют Символ Веры, Херувимскую песнь. Если их петь не будут, благодати в храме нет. Будет время, загонять вас будут в храмы палкой, а в них заходить будет нельзя».

Я думала, неужели такое может быть? Когда в храм мы ходили, это было преступлением. А тут даже загонять будут.

Вера Андреевна Машина рассказывала:

– Посоветовали мне поехать в Авдеевку до отца Димитрия. Спускаюсь в яму, вижу, стоит храм, и думаю, разве может служить здесь светильник Авдеевки, да это же хатка на курьих лапках, а не храм». После службы подходит батюшка и спрашивает: «Ну как тебе хатка на курьих лапках?»

Она говорит: «Я от стыда не знала что сказать». И поняла, что это не простой батюшка. Потом старалась чаще приезжать (работала фельдшером), делала массаж ног ему, помогала по медицинской части, чем могла. У батюшки был диабет, язва двенадцатиперстной кишки, осколки в костях ног (ходил круглый год в валенках), оставшиеся от войны. Они ему не давали покоя. Он говорил: «Не шумите в храме, я всю ночь не спал, такая боль, как зубная и постоянная».

Батюшка рассказывал. Забрали его на фронт. Направили в штрафной батальон. (В штрафные батальоны направляли

преступников, священнослужителей, монахов, чтоб их не расстреливать («тратить на вас ещё пули» – говорило командование, отправляли на передовую без оружия. Во время боя все погибали).

«Сидим в окопе. Идёт сильнейшая стрельба. Нам говорят: «Идите». Я оградил себя, не спеша, крестным знаменем, взывая к Богу со словами: «Огради меня, Господи, силою Честного и Животворящего Креста и сохрани меня от всякого зла». Встал и пошёл. Люди, как снопы, падают справа и слева, а я иду. Остался жив. Вот видите какая сила в крестном знамени».

Клавдия Никифоровна (схимонахиня Селафиила) рассказывает:

- Батюшка, благословите поехать в Минск по турпутёвке.
- Если хочешь оставить деньги, то поезжай.
- Надо скупиться. Там товары хорошие. (Было это в советское время).

Приехали в Минск, быстро начали в вагоне собираться, говорят, там недалеко хороший универмаг есть.

Пришла в универмаг, а денег нет. Вспомнила, когда сумку упаковывала, рядом положила кошелёк. Сумку взяла, а кошелёк оставила. Вернулась, спрашивала у проводницы. Та говорит, что не видела, никто не приносил.

Так прошёл срок путёвки, я ничего не купила, приехала ни с чем. Вспоминала слова батюшки.

Пришёл Сергей Андреевич Георгиев до батюшки. Перед службой, в пономарке, говорит ему, что жена его сильно заболела, не поднимается. (Я её видела перед этим. Думаю, не выживет).

Неужели я один останусь? Я больной, кому я нужен? (Операция у него была на сердце – делал Овнатанян). Батюшка, что делать?

- После службы подойдёшь!
- После службы, батюшка:
- Не волнуйся, она тебя ещё переживёт.
- Спустя время мгновенно умирает Сергей Андреевич, а жена по сей день живёт (уже 13-й год).

Отец Димитрий – священник с большой буквы.
Из его прихожан никто не ушёл в секту, никто после венчания не разошёлся, им крещёные дети ходят в храм.

Начинаю говорить за отца Димитрия, а ребята, наши прихожане, из другого храма, мне говорят: «Меня отец Димитрий крестил, и меня, и меня»

За пять лет до ухода батюшки за штат было ему очень плохо. После службы так говорил, как будто последний раз. Просит прощения, прощается с нами. Мы сначала не поняли, а потом начали все (кто в храме находился) плакать. Прихожане просили Господа, чтоб батюшка ещё пожил. Я плакала, а в душе вопила к Господу: «Господи, оставь его нам ещё послужить. Что я буду делать без него? Ведь я погибну духовно и физически. Я ещё не окрепла в вере. Это крах для нас всех».

Дома, на работе постоянно взывала к небу: «Господи, пусть он поживёт немного».

Батюшка ожил. Вид у него стал бодренький. Мы все возрадовались. Ух, пронесло!

Потом когда прошло пять лет, батюшка снова занемог. Стал просить прощения по-особому, начал собираться в тот мир. И в конце сказал: «Отпускайте меня, я уже не в силах».

Я поняла в буквальном смысле и говорю: «Ну, не задерживайте батюшку, быстрее подходите к кресту».

А потом на работе сижу и думаю, почему он так сказал. Т. е. своими молитвами и мольбами мы удерживали его.

Раиса Андреевна Попович рассказывает:

– К отцу Димитрию мы обращались со всеми житейскими вопросами. Своими молитвами он нас вымаливал. Был очень гостеприимным. Всегда нас посадит за стол, хоть чаю, но заставит выпить. Иногда говорит: «Раиса Андреевна, вас долго не было».

– Батюшка, да некогда или неудобно к вам часто бегать, беспокоить.

– Ничего, всегда приходите, двери дома моего для всех открыты в любое время. Даже и ночью приходите.

Много для нас старался батюшка. Хотелось бы больше рассказать, но памяти уже нет.

Батюшка всё предвидел, всё знал. Мы с Марией приехали к батюшке домой, а жили в доме умершей Галины. Нас батюшка благословил там жить. Приходим. А батюшка: «У вас за домом вода в ванной зацвела, вы её вылейте, чтоб ничего не завелось».

Приехали домой, сразу пошли за дом. И в самом деле, всё так, как сказал батюшка. Откуда он мог знать, что у нас за домом?

Однажды приехал отец Димитрий к нам поздно вечером. Мы не ожидали его визита, а он: «Ставьте чай, я с ангелами приехал». Спустя время вышли мы во двор. Мария говорит мне: «Посмотри вверх». Над нашим домом столько звёзд и так низко, низко. Нигде больше на небе нет звёзд, а только над нашим домом. Вот чудо! Такого мы ещё не видели. Недаром батюшка сказал: «Я приехал с ангелами!».

Что я могу сказать, наш батюшка не от мира сего. На него только смотришь, и уже тебе хорошо, спокойствие приходит на душу. Как он любил людей! Мы жили батюшкой.

Р. Б. Ирина Николаевна:

– Таких батюшек нет и, наверное, не будет. Настолько был любвеобильный.

Батюшка никого никогда не обидел ни словом, ни делом. Он настолько следил за своей речью, чтобы человека даже намёком не обидеть.

Однажды я прихожу в сторожку, а батюшка говорит: «Я не начинаю службу из-за вас. Не имею права сделать возглас, не попросив у вас прощения. Я всё обдумал и решил, что был не прав в недавнем нашем разговоре. Поэтому сижу и жду вас, чтобы попросить прощения и начинать службу».

Я сейчас слепая, немощная, но живу мыслями о тех днях, которые мне пришлось провести в храме вместе с отцом Димитрием. Я как сейчас вижу его. Как он с нами пел, рассказывал проповеди!

Если поминали кого, он благословлял стол, присутствующих, начинал петь, все подхватывали. После трапезы снова пел. Столы ставили во дворе на улице, когда холодно – в крестилке. Никогда не было на столе мясной пищи, большей частью постная. Мясная пища никогда не заносилась даже во двор храма. На Пасху никогда не освящал колбасу или что-то другое. Об этом все знали, подобных случаев не было.

Нина Васильевна Толстая:

– Отец Димитрий был большой молитвенник. На работе у меня должна быть ревизия. Было много пробелов, не по моей вине. Мне грозило много неприятностей. Долго рассказывать. Я прибежала к батюшке, всё ему рассказала. Он говорит, сейчас помолимся Верховному Судье.

Помолился. Всё прошло благополучно.

Батюшка – это наша опора была, защита. Чуть что, бежим до батюшки. Нагружаем его своими проблемами, невзгодами. А он терпеливо всё нёс, вымаливал нас. Всего, конечно, не припомню.

Нам если хорошо стало, то сразу забываем. Одно хочу сказать, любили мы своего пастыря, как никого. Память о нём незабываема. Много людям помогал. Царствие ему Небесное со всеми святыми.

Нина Васильевна Игнатова:

– Батюшка был прозорливый. Моя мама пошла с женщиной в лесопосадку за водой. Говорят, в том месте очень вкусная вода. Идём дорогой обратно мимо церкви и думаем: «Вот бы нам водичку эту освятить».

Зашли в храм приложиться к иконам. Выходит из алтаря отец Димитрий, говорит: «Вот и посвятим вам сейчас водичку». Мы оторопели.

Захотелось моей дочери воды попить. Батюшка сказал монахине Порфирии подать воды. Матушка была в алтаре (только ей батюшка разрешал заходить в алтарь), вышла и подала маленькой девочке кружку.

У меня появилась мысль: «Как это женщина заходит в алтарь? Почему батюшка нарушает закон?». Многого я ведь не знала.

А батюшка: «А ты не думай плохо. И пейте воду».

В 1989 году в январе моя мама умерла. Дочка уже выросла. Надо ей сдавать экзамены. Плохие сны ей снятся, что за бабушкой должна и мать пойти. Знакомая женщина говорит: «Давайте пойдём к отцу Димитрию». Приехали. Начали разговаривать. В заключение батюшка говорит: «Ты не переживай, я немного прозорливый (в шутку). Мама твоя ещё лет 30 проживёт». Благословил сдать экзамены.

Экзамены сдала на 5. А я ещё живу.

Ольга Степановна:

– Однажды дочка моя на работе сделала аварию. Последствия непредсказуемые. Я к батюшке со слезами, – что делать?

– Будем молиться.

Акафист читали, долго батюшка молился. Всё обошлось нормально.

Всегда находила у отца Димитрия утешение.

Все проблемы семейные он решал и помогал нам. Я бы много рассказала, да склероз замучил, не знаю, что пять минут назад делала. А батюшку вспоминаю каждый день, ему жалуюсь, рассказываю, как прежде. Светлая ему память. Нет слов таких, чтобы его охарактеризовать.

Это, действительно, был последователь отца Иоанна Кронштадтского, как сам святой предрекал его матери Ксении. И проповеди пламенные провозносил с амвона. И такой же щедрый был. Одну бабушку исповедовал, спросил, как у неё материальное положение. И тайком сунул ей 10 рублей (в советское время это были немалые деньги).

Р. Б. Анатолий многодетный рассказывал:

– Приду до батюшки со своими проблемами». Он выслушает, посоветует, наложит целую сумку продуктов (что в панихиды ему давали), выпустит через потайной ход, чтоб никто не видел, вдогонку: «Никому не говори». А иногда и денег даст. «Неси всё это детям»

Мне внучка Ксения, когда была маленькой, говорила: «Дедушке столько вкуснятины дадут, несут в дом. Я прихожу – ничего нет. Куда оно девается?»

Щедрый был отец Димитрий. Всех жалел, за всех переживал, кому нужно было – помогал, чем мог. Чужая боль, была его болью.

Екатерина Дмитриевна Георгиева:

– Надумал мой муж, Сергей Андреевич Георгиев, переезжать в город Измаил, откуда был родом. Зовёт меня с собой. А душа у меня разрывается, не хочу ехать. Не хочу расставаться с отцом Димитрием. Что я там без него буду делать? Люди там разной национальности – евреи, болгары, гагаузы, румыны, мало славян. Как я буду с ними жить?

Пришла на службу в храм, притулилась к стене и плачу. После службы отец Димитрий спрашивает: «Что случилось, Дмитриевна?». Я ему всё рассказала. Он немного помолчал и говорит: «Пусть едет сам. Поездит-поездит и приедет».

Поехал муж на родину в город Измаил. Говорит: «Устроюсь на работу, немного обживусь, потом напишу тебе, чтоб приезжала». Проходит время, устроился он там на работу. Перспектива большая, обещают дать скоро квартиру. Один объект закончили, перевели бригаду на другой объект. А туда надо было постоянно ездить автобусами. Транспорт всегда переполненный, дышать нечем, все прокуренные. Ездил много и долго. Поездки

вымотали его слабое здоровье (я ранее писала за него, врач известный Овнатанян делал операцию на сердце ему). Потом пишет мне: «Жди, скоро приеду насовсем».

Так исполнились слова отца Димитрия «Поездит-поездит и приедет». Приехал Сергей Андреевич, ходил до батюшки в церковь, не пропускал ни одной службы. Помогал ему в алтаре и во всём его слушался.

Незадолго до смерти отца Димитрия, пошла на Ларинку в собор. Батюшка тогда был за штатом, исповедывал священников в соборе. После службы выходит, взял меня под руку, провёл до калитки. По дороге говорит: «Последний раз я веду тебя под руку, и последний раз ты меня видишь». Я не придавала словам значения. Потом сообщили печальную новость. Дома давал указания. Дрова, которые лежали во дворе: «Уберите или накройте чем-нибудь, скоро у нас будет много людей».

Спустя несколько дней пророчества его сбылись. Много людей прибыло, чтоб проститься с дорогим батюшкой.

Рассказывает Пелагея Игнатъевна Клыкова:

– Батюшка приезжал к нам в больницу, где я работала массажистом и домой к нему приходила делать массаж. Однажды батюшка идёт впереди меня, а я и думаю – как Серафим Саровский идёт. Он поворачивается и говорит: «Да, как Серафим Саровский».

Батюшка нам был как отец. Со всеми проблемами бегу к нему. Помог нам деньгами, дал 50 рублей на холодильник (в то время это были большие деньги). Однажды внучка проглотила фольгу с конфет, которая попала в бронхи. Ей грозила смерть: прибежала, плачу? «Батюшка, умирает внучка», – «Пусть умирает, будем молиться». Врачи говорят: «Мы сделали всё, что могли, а дальше не знаем».

Батюшке передала слова врачей, а он: «Не плачь, ещё за муж её выдашь».

Когда я писала эти строки, к нам зашла внучка, сияющая, прекрасная девушка, вымоленная отцом Димитрием.